

INSPIRIA

ЛУИЗА ГЛИК

THE
NOBEL
PRIZE

ДИКИЙ ИРИС

НОЧЬ,
ВСЕОХВАТНАЯ
НОЧЬ

АВЕРН

Inspira Air

Луиза Глик

**Дикий ирис. Аверн.
Ночь, всеохватная ночь**

«ЭКСМО»

1992, 2006, 2014

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Сое)-5

Глик Л.

Дикий ирис. Аверн. Ночь, всеохватная ночь / Л. Глик —
«Эксмо», 1992, 2006, 2014 — (Inspiria Air)

ISBN 978-5-04-177715-9

Под одной обложкой сразу три цикла стихов лауреата Нобелевской премии Луизы Глик – «Дикий ирис», «Аверн» и «Ночь, всеохватная ночь». Последовательность стихотворений длиной в книгу, похожую на пейзаж, видимый сверху, открывает путь к невыразимому. Повторяющиеся элементы этого пейзажа — Персефона, мать, отец и сестра, сад, муж и сын, лошадь, собака, поле в огне — постоянно возникают и вновь появляются с темной энергией неизбежного. Поэзия Луизы Глик задает вопросы, исследует и, наконец, прославляет испытания жизни.

УДК 821.111-1(73)

ББК 84(7Сое)-5

ISBN 978-5-04-177715-9

© Глик Л., 1992, 2006, 2014

© Эксмо, 1992, 2006, 2014

Содержание

Дикий ирис	9
The wild iris	9
Дикий ирис	10
Matins	11
Заутреня	12
Matins	13
Заутреня	14
Trillium	15
Триллиум	16
Lamium	17
Яснотка	18
Snowdrops	19
Подснежник	20
Clear morning	21
Ясное утро	22
Spring Snow	23
Весенний снег	24
End of Winter	25
Конец зимы	26
Matins	27
Заутреня	28
Matins	29
Заутреня	30
Scilla	31
Пролеска	32
Retreating Wind	33
Отступающий ветер	34
The Garden	35
Сад	36
The Hawthorn Tree	37
Боярышник	38
Love in Moonlight	39
Любовь в лунном свете	40
April	41
Апрель	42
Violets	43
Фиалки	44
Witchgrass	45
Ведьмина трава	46
The Jacob's Ladder	48
Лестница Иакова	49
Matins	50
Заутреня	51
Matins	52
Заутреня	53
Song	54

Песня	55
Field Flowers	56
Полевые цветы	57
The Red Poppy	58
Красный мак	59
Clover	60
Клевер	61
Matins	62
Заутреня	63
Heaven and Earth	64
Небо и земля	65
The Doorway	66
Дверной проем	67
Midsummer	68
Середина лета	69
Vespers	70
Вечерня	71
Vespers	72
Вечерня	73
Vespers	74
Вечерня	75
Daisies	76
Маргаритки	77
End of Summer	78
Конец лета	79
Vespers	80
Вечерня	81
Vespers	82
Вечерня	83
Vespers	84
Вечерня	85
Early Darkness	86
Ранние потемки	87
Harvest	88
Жатва	89
The White Rose	90
Белая роза	91
Ipomoea	92
Ипомея	93
Presque Isle	94
Преск-Айл	95
Retreating Light	96
Отступающий свет	97
Vespers	98
Вечерня	99
Vespers: Parousia	100
Вечерня: парусия	101
Vespers	102
Вечерня	103

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Луиза Глик
Дикий ирис
Аверн
Ночь, всеохватная ночь

THE WILD IRIS, Copyright © 1992, Louise Glück
AVERNO, Copyright © 2006, Louise Glück
FAITHFUL AND VIRTUOUS NIGHT,
Copyright © 2014, Louise Glück
All rights reserved

Перевод с английского Дмитрия Кузьмина, Андрея Сен-Сенькова
Издано по заказу ПАО «Норвик Банк»

© Кузьмин Д., Сен-Сеньков А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Друзья!

Мы представляем вам очередную книгу в «нобелевской серии» Норвик Банка.

Под одной обложкой – три сборника стихов американской поэтессы Луизы Глик. В 2020 году ей была присвоена Нобелевская премия по литературе за *«точный поэтический голос, своей суровой красотой превращающий индивидуальное во всеобщее»*. До «нобеля» она успела стать лауреатом более двадцати литературных премий, в том числе Пулитцеровской премии и поэтической премии Уильяма Карлоса Уильямса 1992 года за сборник «Дикий ирис» (включен в эту книгу).

Поэзия Луизы Глик непохожа на стихи, к которым мы привыкли. Это «стихотворения в прозе», со своим внутренним ритмом, монологи и диалоги, в которых чувствуется потребность в движении, похожем на авангардный танец.

Читая их, нужно помнить, что поэтесса сама преподает литературу в университетах, так что богатство культурных кодов, заложенных в ее стихи, в чем-то похоже на импровизацию джазиста-профессионала, смешивающего в единую гармонию сразу три-четыре стандарта. Для русскоязычного читателя сразу будут очевидны отсылки к греческим мифам, заметны мотивы английской поэзии, знакомой по переводам, и еще больше увидит читатель, погруженный в контекст англоязычной, ирландской, шотландской, американской и собственно английской классики.

И вместе с тем Луиза Глик не типовой постмодерн, умозрительная игра в смыслы, а личный, переполненный сильными эмоциями и образами текст, то срывающийся на крик, то фиксирующий события, чувства, размышления с точностью дневника. Ее поэзия временами наполнена едкой и безжалостно правдивой иронией и обращением к жизненному опыту читателя, оживляющими строки, придавая им глубину и обертону.

Переводить стихи сложно по умолчанию. А такие стихи – сложно вдвойне. Заслуга издательства в том, что оно предложило читателю сразу и перевод, и оригинал. Так что владеющих языком оригинала ждет отдельное интеллектуальное удовольствие – возможность сравнить то, как со своей миссией справляется переводчик, и то, что хочет донести до читателя автор.

*Искренне ваши,
председатель совета директоров Норвик Банка
Григорий Гусельников*

Дикий ирис

The wild iris

At the end of my suffering
there was a door.

Hear me out: that which you call death
I remember.

Overhead, noises, branches of the pine shifting.
Then nothing. The weak sun
flickered over the dry surface.

It is terrible to survive
as consciousness
buried in the dark earth.

Then it was over: that which you fear, being
a soul and unable
to speak, ending abruptly, the stiff earth
bending a little. And what I took to be
birds darting in low shrubs.

You who do not remember
passage from the other world
I tell you I could speak again: whatever
returns from oblivion returns
to find a voice:

from the center of my life came
a great fountain, deep blue
shadows on azure seawater.

Дикий ирис

У моих страданий
Был выход.

Послушайте: то, что зовется смертью,
я помню.

Над головой шум, шевелятся сосновые ветви.
Потом ничего. Тусклое солнце
еле теплилось над сухой поверхностью.

Как страшно выживать,
когда сознание
погребено в темной земле.

Затем все закончилось: страх
быть безмолвной душой
внезапно исчез, жесткая земля
немного прогнулась с тем, что я принял за
шныряющих в низких кустах птиц.

Знайте же те, кто не помнит
перехода из другого мира,
я смог заговорить снова: все, что
возвращается из забвения, возвращается
обрести голос:

из моей жизни забил
огромный фонтан, синие
тени на лазурной морской воде.

Matins

The sun shines; by the mailbox, leaves
of the divided birch tree folded, pleated like fins.
Underneath, hollow stems of the white daffodils, Ice Wings,
Cantatrice; dark
leaves of the wild violet. Noah says
depressives hate the spring, imbalance
between the inner and the outer world. I make
another case – being depressed, yes, but in a sense
passionately
attached to the living tree, my body
actually curled in the split trunk, almost at peace,
in the evening rain
almost able to feel
sap frothing and rising: Noah says this is
an error of depressives, identifying
with a tree, whereas the happy heart
wanders the garden like a falling leaf, a figure for
the part, not the whole.

Заутреня

Светит солнце; рядом с почтовым ящиком собраны
листья раздвоенной березы, складчатые,
как плавники.

Под ногами полые стебли белых нарциссов – «айс
вингз», «кантатрис» —
и темные листья диких фиалок. Ноа говорит,
депрессивные ненавидят весну, такой дисбаланс
внутреннего и внешнего мира. Я
не такая депрессивная, но в каком-то смысле страстно
вживленная в дерево, мое тело даже
свернулось в расколотом стволе, я почти в покое,
под вечерним
дождем, почти способна почувствовать,
как поднимается пенный сок: Ноа говорит, что
все депрессивные отождествляют себя
с деревьями, а счастливые шелестят
по саду опавшими листьями – не целое,
а лишь часть.

Matins

Unreachable father, when we were first
exiled from heaven, you made
a replica, a place in one sense
different from heaven, being
designed to teach a lesson: otherwise
the same – beauty on either side, beauty
without alternative – Except
we didn't know what was the lesson. Left alone,
we exhausted each other. Years
of darkness followed; we took turns
working the garden, the first tears
filling our eyes as earth
misted with petals, some
dark red, some flesh colored —
We never thought of you
whom we were learning to worship.
We merely knew it wasn't human nature to love
only what returns love.

Заутреня

Недосягаемый отец, изгнав нас
из рая, ты создал
копию – место, в чем-то
отличное от рая, чтоб
преподать урок: в остальном
то же самое – красота повсюду, красота
без вариантов, – вот только мы не знали,
в чем заключался урок. Оставшись наедине,
мы истязали друг друга. Наступили годы
тьмы; мы по очереди
работали в саду, и вот первые слезы
появились в наших глазах, когда земля
затуманилась лепестками, одни были
темно-красными, другие телесного цвета —
мы и не думали о тебе,
хоть и учились тебе молиться.
Просто знали, что человеку свойственно любить
лишь то, что не отвечает взаимностью.

Trillium

When I woke up I was in a forest. The dark
seemed natural, the sky through the pine trees
thick with many lights.

I knew nothing; I could do nothing but see.
And as I watched, all the lights of heaven
faded to make a single thing, a fire
burning through the cool firs.
Then it wasn't possible any longer
to stare at heaven and not be destroyed.

Are there souls that need
death's presence, as I require protection?
I think if I speak long enough
I will answer that question, I will see
whatever they see, a ladder
reaching through the firs, whatever
calls them to exchange their lives —

Think what I understand already.
I woke up ignorant in a forest;
only a moment ago, I didn't know my voice
if one were given me
would be so full of grief, my sentences
like cries strung together.
I didn't even know I felt grief
until that word came, until I felt
rain streaming from me.

Триллиум

Я проснулся в лесу. Темнота
казалась естественной, сквозь густые сосны
небо просвечивало множеством огней.

Я ничего не знал, ничего не мог – только смотреть.
И пока наблюдал, все небесные огни
померкли, слившись в один,
горящий сквозь прохладные ели.
Невозможно
смотреть на небо и не быть им уничтоженным.

Есть ли души, нуждающиеся в
смерти, как я в защите?
Думаю, если говорить подольше,
я отвечу на этот вопрос, увижу то,
что видят они, лестницу,
ведущую по елям, и
нечто призывающее их изменить свои жизни —

подумайте о том, что я понял.
Я проснулся в неведении в лесу;
минуту назад я не знал, что мой голос,
будь он мне дан,
был бы полон такого горя, а фразы
похожи на крики, связанные вместе.
Я даже не знал, что чувствую горе,
пока слово не произнесли, пока я не почувствовал,
как из меня хлещет дождь.

Lamium

This is how you live when you have a cold heart.
As I do: in shadows, trailing over cool rock,
under the great maple trees.

The sun hardly touches me.
Sometimes I see it in early spring, rising very far away.
Then leaves grow over it, completely hiding it. I feel it
glinting through the leaves, erratic,
like someone hitting the side of a glass with a metal spoon.

Living things don't all require
light in the same degree. Some of us
make our own light: a silver leaf
like a path no one can use, a shallow
lake of silver in the darkness under the great maples.

But you know this already.
You and the others who think
you live for truth and, by extension, love
all that is cold.

Яснотка

Вот как живут с холодным сердцем.
Как я: в тени, тянущейся по прохладной скале,
под огромными кленами.

Солнце почти меня не касается.
Иногда я вижу, как ранней весной оно поднимается
вдали.
Затем вырастают листья, полностью скрывая его.
Я чувствую,
как оно беспорядочно мерцает сквозь листву,
словно кто-то стучит по стакану металлической ложкой.

Не всем существам одинаково
нужен свет. Кто-то из нас
создает собственный: серебряный лист,
словно тропинка, по которой никто не пойдет, мелкое
серебристое озеро в темноте под огромными кленами.

Но ты и так это знаешь.
Ты и другие, кто думает,
что живет ради истины и в целом любит
все холодное.

Snowdrops

Do you know what I was, how I lived? You know
what despair is; then
winter should have meaning for you.

I did not expect to survive,
earth suppressing me. I didn't expect
to waken again, to feel
in damp earth my body
able to respond again, remembering
after so long how to open again
in the cold light
of earliest spring —

afraid, yes, but among you again
crying yes risk joy
in the raw wind of the new world.

Подснежник

Знаешь, кем я был, как жил? Ты знаешь,
что такое отчаяние, потому
зима для тебя что-то значит.

Я не надеялся выжить —
так давила земля. Не ожидал,
что снова проснусь, что
мое тело вновь сможет откликнуться,
во влажной земле, снова вспомнив
спустя год, как распускаться
в холодном свете
самого начала весны —

конечно, страшно, но опять среди вас
есть плачущие и радующиеся
на сыром ветру нового мира.

Clear morning

I've watched you long enough,
I can speak to you any way I like —

I've submitted to your preferences, observing patiently
the things you love, speaking

through vehicles only, in
details of earth, as you prefer,

tendrils
of blue clematis, light

of early evening —
you would never accept

a voice like mine, indifferent
to the objects you busily name,

your mouths
small circles of awe —

And all this time
I indulged your limitation, thinking

you would cast it aside yourselves sooner or later,
thinking matter could not absorb your gaze forever —

obstacle of the clematis painting
blue flowers on the porch window —

I cannot go on
restricting myself to images

because you think it is your right
to dispute my meaning:

I am prepared now to force
clarity upon you.

Ясное утро

Я долго наблюдало
и могу говорить с вами так, как мне вздумается, —

я учло ваши предпочтения, терпеливо наблюдая
за тем, как вы любите общаться

через детали, на
земле же вы предпочитаете

усики
голубого клематиса, свет

раннего вечера —
вы бы никогда не прислушались

к голосу, похожему на мой, безразличному к тому,
что вы деловито именуете

своими ртами,
благоговейно округленными, —

и все это время
я потакало вашей ограниченности, думая,

вы сами ее рано или поздно отбросите,
мыслящая материя не может поглощать ваши взгляды
вечно —

препятствие в виде клематиса, рисующего
синие цветы на окне веранды, —

я не могу и дальше
ограничиваться образами,

ведь, по-вашему, вы вправе
оспаривать мое мнение:

теперь я готово принудить вас к
ясности.

Spring Snow

Look at the night sky:
I have two selves, two kinds of power.

I am here with you, at the window,
watching you react. Yesterday
the moon rose over moist earth in the lower garden.
Now the earth glitters like the moon,
like dead matter crusted with light.

You can close your eyes now.
I have heard your cries, and cries before yours,
and the demand behind them.
I have shown you what you want:
not belief, but capitulation
to authority, which depends on violence.

Весенний снег

Взгляните на ночное небо:
у меня два «я», две силы.

Я здесь, с вами, у окна,
наблюдаю за вашей реакцией. Вчера луна
взошла над сырой землей в нижнем саду.
Теперь земля блестит, как луна,
как мертвая материя, покрытая коркой света.

Теперь вы можете закрыть глаза.
Я слышал ваши крики, и крики до вас,
и требования за ними.
Я показал вам, чего вы хотите:
не веры, а капитуляции
перед властью, что держится на насилии.

End of Winter

Over the still world, a bird calls
waking solitary among black boughs.

You wanted to be born; I let you be born.
When has my grief ever gotten
in the way of your pleasure?

Plunging ahead
into the dark and light at the same time
eager for sensation

as though you were some new thing, wanting
to express yourselves

all brilliance, all vivacity

never thinking
this would cost you anything,
never imagining the sound of my voice
as anything but part of you —

you won't hear it in the other world,
not clearly again,
not in birdcall or human cry,

not the clear sound, only
persistent echoing
in all sound that means goodbye, goodbye —
the one continuous line
that binds us to each other.

Конец зимы

Над безмолвным миром кричит птица,
проснувшись в одиночестве среди черных
ветвей.

Ты хотела родиться – я позволил тебе родиться.
Хоть раз моя скорбь помешала твоему
удовольствию?

Нырря вперед,
во тьму и свет сразу,
жажда ощутить

себя чем-то новым, желая
выразить себя

во всем блеске, всей живости,

никогда не задумываясь,
что за это придется платить,
всегда считая мой голос
лишь частью себя, —

ты больше не услышишь его в ином мире
так же отчетливо —
ни в птичьем крике, ни в человеческом,

не чистый звук, а лишь
настойчивое эхо,
означающее прощание, —
одна непрерывная линия,
связующая нас друг с другом.

Matins

Forgive me if I say I love you: the powerful
are always lied to since the weak are always
driven by panic. I cannot love
what I can't conceive, and you disclose
virtually nothing: are you like the hawthorn tree,
always the same thing in the same place,
or are you more the foxglove, inconsistent, first springing up
a pink spike on the slope behind the daisies,
and the next year, purple in the rose garden? You must see
it is useless to us, this silence that promotes belief
you must be all things, the foxglove and the hawthorn tree,
the vulnerable rose and tough daisy – we are left to think
you couldn't possibly exist. Is this
what you mean us to think, does this explain
the silence of the morning,
the crickets not yet rubbing their wings, the cats
not fighting in the yard?

Заутреня

Прости меня, если скажу, что люблю тебя: сильным
всегда лгут, ведь слабыми всегда
правит паника. Я не могу любить
то, чего не в силах постичь, а ты
практически не раскрываешься: либо ты,
 как боярышник,
всегда такой же на том же месте,
либо похож больше на взбалмошную наперстянку,
сначала вырастающую розовой колючкой на склоне
 за маргаритками,
а на следующий год уже фиолетовой в розовом саду?
Ты должен понять
бесплезность молчания, убеждающего,
что ты должен быть всем сущим: наперстянкой
 и боярышником,
уязвимой розой и суровой маргариткой – нам остается
 думать, что
тебя не может быть. Разве это
ты хочешь внушить, разве это объясняет
утреннюю тишину —
то, что сверчки еще не потирают крылышки, а кошки
не дерутся во дворе?

Matins

I see it is with you as with the birches:
I am not to speak to you
in the personal way. Much
has passed between us. Or
was it always only
on the one side? I am
at fault, at fault, I asked you
to be human – I am no needier
than other people. But the absence
of all feeling, of the least
concern for me – I might as well go on
addressing the birches,
as in my former life: let them
do their worst, let them
bury me with the Romantics,
their pointed yellow leaves
falling and covering me.

Заутреня

Я вижу, с тобой, как с березами:
я не должна к тебе
обращаться лично. Между нами

бывало всякое. Или
всегда лишь
с одной стороны? Как же я
виновата, я просила тебя
стать человеком – я нуждаюсь в этом не больше,
чем кто-либо еще. Но полная
бесчувственность
и равнодушие ко мне – с тем же успехом
я могла
обращаться к березам,
как в прежней жизни: пусть они
сделают худшее,
похоронят меня с романтиками,
а их заостренные желтые листья
опадут и покроют меня.

Scilla

Not I, you idiot, not self, but we, we – waves
of sky blue like
a critique of heaven: why
do you treasure your voice
when to be one thing
is to be next to nothing?
Why do you look up? To hear
an echo like the voice
of god? You are all the same to us,
solitary, standing above us, planning
your silly lives: you go
where you are sent, like all things,
where the wind plants you,
one or another of you forever
looking down and seeing some image
of water, and hearing what? Waves,
and over waves, birds singing.

Пролеска

Не я, дурачок, не сама, а мы —
небесно-голубые
волны, словно
критика на небо:
зачем ты дорожишь своим голосом,
ведь быть чем-то одним – значит
быть почти что ничем?
Зачем смотришь вверх? Чтоб услышать
эхо, подобное голосу
бога? Вы для нас все одинаковые:
одинокое стоите над нами, планируя
свои глупые жизни – идете туда,
куда вас послали, как и все остальное,
куда вас сажает ветер,
кто-то из вас вечно
смотрит вниз и видит какой-нибудь образ
воды, а что же он слышит? Волны,
а над волнами – пение птиц.

Retreating Wind

When I made you, I loved you.
Now I pity you.

I gave you all you needed:
bed of earth, blanket of blue air —

As I get further away from you
I see you more clearly.
Your souls should have been immense by now,
not what they are,
small talking things —

I gave you every gift,
blue of the spring morning,
time you didn't know how to use —
you wanted more, the one gift
reserved for another creation.

Whatever you hoped,
you will not find yourselves in the garden,
among the growing plants.
Your lives are not circular like theirs:

your lives are the bird's flight
which begins and ends in stillness —
which begins and ends, in form echoing
this arc from the white birch
to the apple tree.

Отступающий ветер

Создав, я полюбил вас,
а теперь вас жалею.

Я дал вам все что нужно:
ложе из земли, одеяло из голубого воздуха —

чем больше от вас удаляюсь,
тем яснее вас вижу.
Ваши души должны были быть огромными,
а не такими, как есть,
пустячными —

я подарил вам все:
синь весеннего утра,
время, которым вы не умели пользоваться, —
вы хотели большего подарка,
отложенного для другого творения.

Не надейтесь
оказаться в саду
среди растений.
Ваши жизни не движутся, как у них, по кругу:

ваши жизни – птичий полет,
что начинается и завершается покоем,
что начинается и завершается, повторяя форму
этой дуги от белой березы
до яблони.

The Garden

I couldn't do it again,
I can hardly bear to look at it —

in the garden, in light rain
the young couple planting
a row of peas, as though
no one has ever done this before,
the great difficulties have never as yet
been faced and solved —

They cannot see themselves,
in fresh dirt, starting up
without perspective,
the hills behind them pale green, clouded with
flowers —

She wants to stop;
he wants to get to the end,
to stay with the thing —

Look at her, touching his cheek
to make a truce, her fingers
cool with spring rain;
in thin grass, bursts of purple crocus —

even here, even at the beginning of love,
her hand leaving his face makes
an image of departure

and they think
they are free to overlook
this sadness.

Сад

Я больше не могу это делать,
невыносимо на это смотреть —

в саду, под легким дождем,
молодая пара сажает
горох, будто
никто не делал этого раньше,
больших проблем еще не было
или их решали —

сами они не видят,
как начинают в свежей грязи,
без перспектив,
с бледно-зелеными холмами за спиной,
покрытыми цветами, —

она хочет остановиться,
а он хочет дойти до конца,
продолжить дело —

взгляните, как она касается его щеки,
чтоб помириться,
прохладными от весеннего дождя пальцами;
в редкой траве вспышки фиолетовых крокусов —

даже сейчас, даже в начале любви,
она отводит руку,
словно уже прощаясь,

и они думают,
что можно не обращать внимания
на эту печаль.

The Hawthorn Tree

Side by side, not
hand in hand: I watch you
walking in the summer garden – things
that can't move
learn to see; I do not need
to chase you through
the garden; human beings leave
signs of feeling
everywhere, flowers
scattered on the dirt path, all
white and gold, some
lifted a little by
the evening wind; I do not need
to follow where you are now,
deep in the poisonous field, to know
the cause of your flight, human
passion or rage: for what else
would you let drop
all you have gathered?

Боярышник

Бок о бок, но не
рука в руке: я смотрю, как ты
гуляешь по летнему саду, —
неспособное двигаться
учиться смотреть; мне не нужно
гоняться за тобой по
саду; человеческие существа повсюду
оставляют следы
чувств, цветы,
разбросанные по грунтовой дорожке,
белые и золотые.
Какие-то приподнял
вечерний ветер; мне не нужно
идти туда, где ты сейчас,
в глубину ядовитого поля, чтобы понять
причину твоего полета, человеческую
страсть или ярость: что еще
могло заставить тебя бросить
все собранное тобой?

Love in Moonlight

Sometimes a man or woman forces his despair
on another person, which is called
baring the heart, alternatively, baring the soul —
meaning for this moment they acquired souls —
outside, a summer evening, a whole world
thrown away on the moon: groups of silver forms
which might be buildings or trees, the narrow garden
where the cat hides, rolling on its back in the dust,
the rose, the coreopsis, and, in the dark, the gold
dome of the capitol
converted to an alloy of moonlight, shape
without detail, the myth, the archetype, the soul
filled with fire that is moonlight really, taken
from another source, and briefly
shining as the moon shines: stone or not,
the moon is still that much of a living thing.

Любовь в лунном свете

Иногда мужчина или женщина навязывают
отчаяние
другому, это называется
открыть сердце или *открыть душу* —
в том смысле, что теперь у них есть души, —
за окном летний вечер, целый мир,
заброшенный на Луну: группки серебристых фигур,
возможно, зданий или деревьев, тесный садик,
где прячется кошка, катаясь в пыли на спине,
роза, кореопсис, и в темноте – золотой
купол Капитолия,
обратившийся в сплав лунного света, форма
без подробностей, миф, архетип, душа,
наполненная огнем, то есть, в сущности,
лунным светом,
взятым откуда-то еще, и сияющий,
лишь пока светит луна: каменная или нет,
но луна все ж живая.

April

No one's despair is like my despair —

You have no place in this garden
thinking such things, producing
the tiresome outward signs; the man
pointedly weeding an entire forest,
the woman limping, refusing to change clothes
or wash her hair.

Do you suppose I care
if you speak to one another?
But I mean you to know
I expected better of two creatures
who were given minds: if not
that you would actually care for each other
at least that you would understand
grief is distributed
between you, among all your kind, for me
to know you, as deep blue
marks the wild scilla, white
the wood violet.

Апрель

Ничье отчаяние не сравнится с моим —

Не место в этом саду
думать о таком, создавая
скучные внешние признаки: мужчина
демонстративно пропальывает заросли,
женщина хромает, отказываясь переодеться
или вымыть голову.

Неужели вы думаете, меня волнует,
разговариваете ли вы друг с другом?
Но хочу, чтоб вы знали —
я ожидал большего от двух существ,
наделенных разумом: если и не
заботы друг о друге,
то по крайней мере понимания,
что горе распределяется
между вами, между всеми вашими сородичами,
чтобы я
узнавал вас, как синий
метит дикую пролеску, а белый —
лесную фиалку.

Violets

Because in our world
something is always hidden,
small and white,
small and what you call
pure, we do not grieve
as you grieve, dear
suffering master; you
are no more lost
than we are, under
the hawthorn tree, the hawthorn holding
balanced trays of pearls: what
has brought you among us
who would teach you, though
you kneel and weep,
clasping your great hands,
in all your greatness knowing
nothing of the soul's nature,
which is never to die: poor sad god,
either you never have one
or you never lose one.

Фиалки

Ведь в нашем мире
всегда что-то скрыто,
маленькое и белое,
маленькое и, что называется,
чистое, мы не скорбим так,
как дорогой
страдающий владыка; мы
такие же заблудшие,
как ты, под
боярышником,
что удерживает подносы
с жемчугами: что
привело тебя
к нам учиться,
хоть падай на колени и плачь,
сжимая огромные руки;
при всем своем величии не понимая
бессмертную природу
души: бедный печальный
бог, либо у тебя ее нет,
либо тебе ее не потерять.

Witchgrass

Something
comes into the world unwelcome
calling disorder, disorder —

If you hate me so much
don't bother to give me
a name: do you need
one more slur
in your language, another
way to blame
one tribe for everything —

as we both know,
if you worship
one god, you only need
one enemy —
I'm not the enemy.

Only a ruse to ignore
what you see happening
right here in this bed,
a little paradigm
of failure. One of your precious flowers
dies here almost every day
and you can't rest until
you attack the cause, meaning
whatever is left, whatever
happens to be sturdier
than your personal passion —
It was not meant
to last forever in the real world.
But why admit that, when you can go on
doing what you always do,
mourning and laying blame,
always the two together.

I don't need your praise
to survive. I was here first,
before you were here, before
you ever planted a garden.
And I'll be here when only the sun and moon
are left, and the sea, and the wide field.

I will constitute the field.

Ведьмина трава

Что-то
приходит в мир нежеланным,
вызывая сущий хаос, —

если так сильно меня ненавидите,
не утруждайтесь давать мне
имя: вам что, нужно
новое оскорбление
в своем языке, новый
способ обвинить
во всем один род, —

мы знаем,
если молиться
одному богу, то хватит всего
одного врага:
враг – не я.

Просто уловка, чтобы не замечать
происходящего
прямо здесь, на этом ложе,
небольшой образец
неудачи. Один из ваших драгоценных цветов
умирает здесь почти ежедневно,
и вы не успокоитесь, пока
не выявите причину,

вернее то, что оказалось
сильней
вашей страсти, —
и это не должно было
продолжаться вечно в реальном мире.
Но зачем это признавать, если можно
и дальше
делать то же, что и всегда,
оплакивая и обвиняя
одновременно.

Мне не нужна ваша похвала,
чтобы выжить. Я была здесь сначала,
еще до вас, до
того, как вы разбили сад.
И пребуду здесь, когда останутся лишь
солнце
и луна,
море и широкое поле.

Я стану полем сама.

The Jacob's Ladder

Trapped in the earth,
wouldn't you too want to go
to heaven? I live
in a lady's garden. Forgive me, lady;
longing has taken my grace. I am
not what you wanted. But
as men and women seem
to desire each other, I too desire
knowledge of paradise – and now
your grief, a naked stem
reaching the porch window.
And at the end, what? A small blue flower
like a star. Never
to leave the world! Is this
not what your tears mean?

Лестница Иакова

Запертый в земле,
разве и ты не хотел попасть
на небеса? Я живу
в саду одной дамы. Простите меня, мадам:
тоска лишила меня благодати. Я
не тот, кто вам нужен. Но
как мужчины и женщины, очевидно,
желают друг друга, я тоже желаю
познать рай – а теперь и
твое горе, голый стебель,
дотянувшийся до окна веранды.
А что в конце? Маленький синий цветок,
словно звезда. Никогда
не покидать этот мир! Разве
не об этом ты плачешь?

Matins

You want to know how I spend my time?
I walk the front lawn, pretending
to be weeding. You ought to know
I'm never weeding, on my knees, pulling
clumps of clover from the flower beds: in fact
I'm looking for courage, for some evidence
my life will change, though
it takes forever, checking
each clump for the symbolic
leaf, and soon the summer is ending, already
the leaves turning, always the sick trees
going first, the dying turning
brilliant yellow, while a few dark birds perform
their curfew of music. You want to see my hands?
As empty now as at the first note.
Or was the point always
to continue without a sign?

Заутреня

Хочешь знать, как я провожу время?
Гуляю по лужайке перед домом, делая вид, что
полю сорняки. Ты должна знать,
что я никогда не полю, стоя на коленях,
выдергивая
пучки клевера из клумб: в сущности,
я набираюсь мужества, ищу доказательство,
что моя жизнь изменится,
и пусть это займет целую вечность, я проверяю
каждый пучок,
а лето скоро закончится, уже
листья жухнут, сперва у больных
деревьев, умирание становится
ослепительным, и стайка темных птиц
исполняет
музыку комендантского часа. Хочешь увидеть
мои руки?
Такие же пустые, как и при первой ноте.
Или всегда имело смысл
продолжать без подсказки?

Matins

What is my heart to you
that you must break it over and over
like a plantsman testing
his new species? Practice
on something else: how can I live
in colonies, as you prefer, if you impose
a quarantine of affliction, dividing me
from healthy members of
my own tribe: you do not do this
in the garden, segregate
the sick rose; you let it wave its sociable
infested leaves in
the faces of the other roses, and the tiny aphids
leap from plant to plant, proving yet again
I am the lowest of your creatures, following
the thriving aphid and the trailing rose – Father,
as agent of my solitude, alleviate
at least my guilt; lift
the stigma of isolation, unless
it is your plan to make me
sound forever again, as I was
sound and whole in my mistaken childhood,
or if not then, under the light weight
of my mother's heart, or if not then,
in dream, first
being that would never die.

Заутреня

Что тебе в сердце моем,
если ты разбиваешь его снова и снова,
как садовод, пробующий
новый сорт? Практикуйся
в чем-то другом: как я могу жить
в твоих излюбленных колониях, если ты вводишь
карантин страданий, отделяя меня
от здоровых членов
моего рода: ты не делаешь так
в саду, отделяя
большую розу, а ты позволяешь ей развеяться
общительными
пораженными листьями
на виду у других роз, и крошечная тля
прыгает с одной на другую, еще раз доказывая,
что я низшее из созданий,
вслед за процветающей тлей и стелющейся
розой – Отче,
доверенный моего одиночества, облегчи
хоть мою вину, сними
клеймо одиночества, если
ты не замыслил создать меня вновь
навсегда здоровой, целой и невредимой,
как в ошибочном детстве,
ну, или под легким весом материнского
сердца, ну, или во сне – первое существо,
что никогда не умрет.

Song

Like a protected heart,
the blood-red
flower of the wild rose begins
to open on the lowest branch,
supported by the netted
mass of a large shrub:
it blooms against the dark
which is the heart's constant
backdrop, while flowers
higher up have wilted or rotted;
to survive
adversity merely
deepens its color. But John
objects, he thinks
if this were not a poem but
an actual garden, then
the red rose would be
required to resemble
nothing else, neither
another flower nor
the shadowy heart, at
earth level pulsing
half maroon, half crimson.

Песня

Словно незащищенное сердце,
крово-красный
цветок дикой розы
раскрывается на нижней ветке,
что опирается на сетчатую
массу большого кустарника:
он цветет на фоне тьмы —
постоянной
декорации сердца, а верхние
цветы завяли или же сгнили;
пережитые
невзгоды лишь
делают их темней. Но Джон
не согласен, он думает,
будь это не стихи, а
настоящий сад,
красная роза
не должна бы напоминать
больше ничего – ни
другой цветок, ни
затененное сердце,
что пульсирует у земли
полубордовым, полумалиновым.

Field Flowers

What are you saying? That you want
eternal life? Are your thoughts really
as compelling as all that? Certainly
you don't look at us, don't listen to us,
on your skin
stain of sun, dust
of yellow buttercups: I'm talking
to you, you staring through
bars of high grass shaking
your little rattle – O
the soul! the soul! Is it enough
only to look inward? Contempt
for humanity is one thing, but why
disdain the expansive
field, your gaze rising over the clear heads
of the wild buttercups into what? Your poor
idea of heaven: absence
of change. Better than earth? How
would you know, who are neither
here nor there, standing in our midst?

Полевые цветы

О чем вы говорите? Что хотите
вечно жить? Вправду ли ваши мысли
так уж назойливы? Конечно,
вы не смотрите на нас, не слушаете нас,
на вашей коже
солнечные зайчики, пыльца
желтых лютиков: я говорю
с вами, а вы смотрите сквозь
прутья высокой травы, потрясая
своей погремушкой —
душа! душа! Достаточно ли
просто заглядывать внутрь? Презрение
к человечеству – это одно, но зачем
презирать огромное
поле, когда ваши взгляды поднимаются
над светлыми головками диких лютиков?
Ваше жалкое
понятие рая: отсутствие
перемен. Лучше, чем на земле? Откуда
вам знать, если вы не здесь и
не там, а стоите средь нас?

The Red Poppy

The great thing
is not having
a mind. Feelings:
oh, I have those; they
govern me. I have
a lord in heaven
called the sun, and open
for him, showing him
the fire of my own heart, fire
like his presence.
What could such glory be
if not a heart? Oh my brothers and sisters,
were you like me once, long ago,
before you were human? Did you
permit yourselves
to open once, who would never
open again? Because in truth
I am speaking now
the way you do. I speak
because I am shattered.

Красный мак

Здóрово
ни о чем
не думать. Чувства —
они-то есть и
управляют мной. У меня
Господь на небесах,
зовется солнцем, и я открываю
ему огонь моего сердца,
подобный его присутствию.
Что может еще так сиять,
как не сердце? О братья и сестры,
вы были такими, как я, когда-то давно,
прежде, чем стали людьми?
Позволяли ль себе
открыться хоть раз, чтобы больше
не открываться? Ведь, по правде,
я говорю сейчас
так же, как вы. Я говорю,
потому что сломлен.

Clover

What is dispersed
among us, which you call
the sign of blessedness
although it is, like us,
a weed, a thing
to be rooted out —

by what logic
do you hoard
a single tendril
of something you want
dead?

If there is any presence among us
so powerful, should it not
multiply, in service
of the adored garden?

You should be asking
these questions yourself,
not leaving them
to your victims. You should know
that when you swagger among us
I hear two voices speaking,
one your spirit, one
the acts of your hands.

Клевер

Рассеянное
среди нас ты называешь
признаком благословения,
хотя это, как и мы,
сорняк,
и его нужно выкорчевать —

по какой такой логике
ты хранишь
каждый усик
того, кого хочешь
убить?

Если есть среди нас что-то
настолько могучее, не должно ли оно
умножиться ради
обожаемого тобою сада?

Ты должен задавать
эти вопросы сам,
а не оставлять их
своим жертвам. Ты должен знать,
что, когда ты расхаживаешь среди нас,
я слышу два голоса:
один – твоего духа, другой —
деяний рук твоих.

Matins

Not the sun merely but the earth
itself shines, white fire
leaping from the showy mountains
and the flat road
shimmering in early morning: is this
for us only, to induce
response, or are you
stirred also, helpless
to control yourself
in earth's presence – I am ashamed
at what I thought you were,
distant from us, regarding us
as an experiment: it is
a bitter thing to be
the disposable animal,
a bitter thing. Dear friend,
dear trembling partner, what
surprises you most in what you feel,
earth's radiance or your own delight?
For me, always
the delight is the surprise.

Заутреня

Не только солнце, но и сама
земля сияет, белый огонь
спрыгивает с заснеженных гор,

а ровная дорога
мерцает ранним утром: разве это
только для нас, чтобы вызвать
реакцию, или ты
тоже взволнован, не способен
взять себя в руки в присутствии
земли – мне стыдно,
что я думала, ты
где-то далеко, считаешь
нас экспериментом:
как же горестно-прегорестно
быть одноразовым
животным. Дорогой друг,
дорогой трепетный партнер,
какие чувства тебя больше удивляют —
сияние земли или собственный восторг?
Меня всегда
удивляет восторг.

Heaven and Earth

Where one finishes, the other begins.
On top, a band of blue; underneath,
a band of green and gold, green and deep rose.

John stands at the horizon: he wants
both at once, he wants
everything at once.

The extremes are easy. Only
the middle is a puzzle. Midsummer —
everything is possible.

Meaning: never again will life end.

How can I leave my husband
standing in the garden
dreaming this sort of thing, holding
his rake, triumphantly
preparing to announce this discovery

as the fire of the summer sun
truly does stall
being entirely contained by
the burning maples
at the garden's border.

Небо и земля

Где один заканчивает, другой начинает.
Синяя полоса вверху, а внизу —
золотисто-зеленая и зеленовато-розовая.

Джон стоит на горизонте: он хочет
и того и другого, хочет
всего сразу.

Крайности – это легко. Лишь
середина загадочна. Середина лета —
возможно все.

Значит, жизнь не кончится никогда.

Как я могу оставить мужа
в саду
мечтать о подобном, держать
грабли, торжествуя
готовясь объявить об этом открытии,

пока огонь летнего солнца
и впрямь замирает,
полностью сдерживаемый
горящими кленами
на окраине сада.

The Doorway

I wanted to stay as I was,
still as the world is never still,
not in midsummer but the moment before
the first flower forms, the moment
nothing is as yet past —

not midsummer, the intoxicant,
but late spring, the grass not yet
high at the edge of the garden, the early tulips
beginning to open —

like a child hovering in a doorway, watching the others,
the ones who go first,
a tense cluster of limbs, alert to
the failures of others, the public falterings

with a child's fierce confidence of imminent power
preparing to defeat
these weaknesses, to succumb
to nothing, the time directly

prior to flowering, the epoch of mastery

before the appearance of the gift,
before possession.

Дверной проем

Я хотела б остаться такой, как была,
неподвижной, каким мир не бывает,
не в середине лета, а за миг до того,
как появится первый цветок, за миг до того,
как что-то уже пройдет —

не пьянящая середина лета,
а поздняя весна: трава
на краю сада еще невысока, ранние тюльпаны
лишь начинают распускаться —

словно ребенок, застывший в дверях,
наблюдающий за другими,
за теми, кто идет первым,
тугой пучок конечностей, внимательный к
чужим неудачам, прилюдным запинкам

с детской уверенностью в грядущей власти,
готовясь победить
эти слабости, ничему
не уступать,
как раз накануне

цветенья, поры господства,

до появления дара,
до обладания.

Midsummer

How can I help you when you all want
different things – sunlight and shadow,
moist darkness, dry heat —

Listen to yourselves, vying with one another —

And you wonder
why I despair of you,
you think something could fuse you into a whole —

the still air of high summer
tangled with a thousand voices

each calling out
some need, some absolute

and in that name continually
strangling each other
in the open field —

For what? For space and air?
The privilege of being
single in the eyes of heaven?

You were not intended
to be unique. You were
my embodiment, all diversity

not what you think you see
searching the bright sky over the field,
your incidental souls
fixed like telescopes on some
enlargement of yourselves —

Why would I make you if I meant
to limit myself
to the ascendant sign,
the star, the fire, the fury?

Середина лета

Как я могу помочь, когда все вы хотите
разного – солнечного света или же тени,
влажной тьмы или сухого тепла —

Прислушайтесь-ка к себе, соперничая друг с другом, —

И вы еще удивляетесь,
почему я от вас в отчаянии,
вы думаете, что-то может свести вас воедино —

неподвижный воздух в разгар лета,
спутанный с тысячью голосов,

и каждый взывает
о какой-то потребности, некоем абсолюте,

и во имя этого они
непрерывно душат друг друга
в чистом поле —

Ради чего? Ради пространства и воздуха?
Привилегии быть
единственным в глазах небес?

Вы не должны
были быть уникальными. Вы были
моим воплощением, всем разнообразием,

не тем, что вы, по-вашему, видите,
исследуя яркое небо над полем,
ваши случайные души
направлены, как телескопы, на некое
продолжение вас самих —

Зачем мне вас создавать, если бы я хотел
ограничиться
асцендентом,
звездой, огнем, яростью?

Vespers

Once I believed in you; I planted a fig tree.
Here, in Vermont, country
of no summer. It was a test: if the tree lived,
it would mean you existed.

By this logic, you do not exist. Or you exist
exclusively in warmer climates,
in fervent Sicily and Mexico and California,
where are grown the unimaginable
apricot and fragile peach. Perhaps
they see your face in Sicily; here, we barely see
the hem of your garment. I have to discipline myself
to share with John and Noah the tomato crop.

If there is justice in some other world, those
like myself, whom nature forces
into lives of abstinence, should get
the lion's share of all things, all
objects of hunger, greed being
praise of you. And no one praises
more intensely than I, with more
painfully checked desire, or more deserves
to sit at your right hand, if it exists, partaking
of the perishable, the immortal fig,
which does not travel.

Вечерня

Когда-то я в тебя верила и посадила смоковницу.
Здесь, в Вермонте, где
не бывает лета. Это была проверка: если дерево выживет,
значит, ты есть.

По этой логике тебя нет. Или ты есть
исключительно в более теплом климате,
на пылкой Сицилии, в Мексике и Калифорнии,
там, где растут невообразимые
абрикосы и нежные персики. Возможно,
твой лик зрим на Сицилии – здесь же едва заметен
подол твоего одеяния. Я должна себя дисциплинировать,
чтобы с Джоном и Ноа вырастить урожай помидоров.

Если есть справедливость в каком-то ином мире, такие,
как я, кого природа принуждает
к воздержанию, должны получить

львиную долю всего – все,
по чему изголодались, ведь алчность – это
хвала тебе. И никто не восхваляет тебя
усердней, чем я, так мучительно
не сдерживает желание и не заслуживает
сидеть одесную тебя, если ты есть,
вкушая брENNую, бессмертную смокву,
которую не перевозят.

Vespers

In your extended absence, you permit me
use of earth, anticipating
some return on investment. I must report
failure in my assignment, principally
regarding the tomato plants.
I think I should not be encouraged to grow
tomatoes. Or, if I am, you should withhold
the heavy rains, the cold nights that come
so often here, while other regions get
twelve weeks of summer. All this
belongs to you: on the other hand,
I planted the seeds, I watched the first shoots
like wings tearing the soil, and it was my heart
broken by the blight, the black spot so quickly
multiplying in the rows. I doubt
you have a heart, in our understanding of
that term. You who do not discriminate
between the dead and the living, who are,
in consequence,
immune to foreshadowing, you may not know
how much terror we bear, the spotted leaf,
the red leaves of the maple falling
even in August, in early darkness: I am responsible
for these vines.

Вечерня

Во время своего продолжительного отсутствия ты разрешаешь мне пользоваться землей, ожидая возврата инвестиций. Я должна доложить о провале моего задания, главным образом – с помидорами.

Думаю, меня не надо поощрять выращивать помидоры. Или ты должен воздержаться от проливных дождей, холодных ночей, что здесь так часты, тогда как в других местах лето длится три месяца. Все это — твое: с другой стороны, это я посеяла семена, наблюдала за первыми ростками, словно крылья, разрывающими почву, и это мое сердце разбила фитофтора – черные пятна, быстро разраставшиеся на грядках. Я сомневаюсь, что у тебя есть сердце – в нашем понимании этого слова. Ты же не различаешь мертвых и живых, а значит, невосприимчив к предзнаменованиям, возможно, ты и не знаешь, как ужасает нас крапчатый лист, красная кленовая листва, опадающая и в августе, в утренних сумерках: ведь я же ответственна за эти лозы.

Vespers

More than you love me, very possibly
you love the beasts of the field, even,
possibly, the field itself, in August dotted
with wild chicory and aster:
I know. I have compared myself
to those flowers, their range of feeling
so much smaller and without issue; also to white sheep,
actually gray: I am uniquely
suited to praise you. Then why
torment me? I study the hawkweed,
the buttercup protected from the grazing herd
by being poisonous: is pain
your gift to make me
conscious in my need of you, as though
I must need you to worship you,
or have you abandoned me
in favor of the field, the stoic lambs turning
silver in twilight; waves of wild aster and chicory shining
pale blue and deep blue, since you already know
how like your raiment it is.

Вечерня

Вполне возможно, больше меня
ты любишь зверей полевых
и даже само поле, усеянное
в августе диким цикорием, астрами:
я это знаю. Я сравнила себя
с этими цветами, диапазон их чувств
намного уже и не вызывает проблем; а также
с белыми овцами,
точнее серыми: я идеально
подхожу для того, чтоб тебя восхвалять. Тогда зачем
меня мучить? Я изучаю ястребинку,
лютики, защищенные от пасущегося стада
своей ядовитостью: разве боль —
твой дар, заставляющий меня
осознать потребность в тебе, словно
ты нужен мне, чтобы тебе молиться,
или ты оставил меня
ради поля со стойкими ягнятами,
серебряющимися в сумерках; с волнами диких астр
и цикория,
отливающими то голубым, то синим, ведь ты
уже знаешь,
как это похоже на твоё одеяние.

Daisies

Go ahead: say what you're thinking. The garden
is not the real world. Machines
are the real world. Say frankly what any fool
could read in your face: it makes sense
to avoid us, to resist
nostalgia. It is
not modern enough, the sound the wind makes
stirring a meadow of daisies: the mind
cannot shine following it. And the mind
wants to shine, plainly, as
machines shine, and not
grow deep, as, for example, roots. It is very touching,
all the same, to see you cautiously
approaching the meadow's border in early morning,
when no one could possibly
be watching you. The longer you stand at the edge,
the more nervous you seem. No one wants to hear
impressions of the natural world: you will be
laughed at again; scorn will be piled on you.
As for what you're actually
hearing this morning: think twice
before you tell anyone what was said in this field
and by whom.

Маргаритки

Ну давай, скажи, что ты думаешь. Сад
не реальный мир. Реальный мир – это
машины. Скажи откровенно то, что любой дурак
может прочесть у тебя на лице: лучше
нас избегать, сопротивляться
ностальгии. Это
недостаточно современно – шум ветра,
шевелиющего маргаритками на лугу: ум
от этого не заблещает. А ум, конечно,
хочет блистать, как
блещут машины, а не расти вглубь,
как, например, корни. Но все же очень трогательно видеть,
как ранним утром ты осторожно
подходишь к краю луга,
когда никто за тобой
не следит. Чем дольше ты там стоишь,
тем больше нервничаешь. Никто не хочет внимать
впечатлениям от мира природы: над тобой
снова будут
смеяться, сыпать издевками.
Ну а насчет того, что ты все-таки
слышишь сегодня утром: хорошенько подумай,
прежде чем кому-либо пересказывать сказанное на этом поле
и уточнять кем.

End of Summer

After all things occurred to me,
the void occurred to me.

There is a limit
to the pleasure I had in form —

I am not like you in this,
I have no release in another body,

I have no need
of shelter outside myself —

My poor inspired
creation, you are
distractions, finally,
mere curtailment; you are
too little like me in the end
to please me.

And so adamant —
you want to be paid off
for your disappearance,
all paid in some part of the earth,
some souvenir, as you were once
rewarded for labor,
the scribe being paid
in silver, the shepherd in barley

although it is not earth
that is lasting, not
these small chips of matter —

If you would open your eyes
you would see me, you would see
the emptiness of heaven
mirrored on earth, the fields
vacant again, lifeless, covered with snow —

then white light
no longer disguised as matter.

Конец лета

После того как все случилось со мной,
случилась со мной пустота.

Есть предел
удовольствию, что я получала от формы, —

в этом плане я не такая, как ты,
мне не высвободиться в другом теле,

мне не нужно
убежище вне меня —

мое бедное вдохновенное
творение,
в итоге ты отвлекаешь,
попросту урезаешь;
под конец ты так мало похоже на меня,
что перестаешь мне нравиться.

И так непреклонно —
хочешь, чтобы тебе заплатили
за исчезновение,
за все заплатить в какой-то стороне земли,
каким-нибудь сувениром, как тебя когда-то
вознаградили за труд:
так писцу платят
серебром, пастуху – ячменем,

хотя эта земля и не прочная,
только не эти
кочки материи —

если б ты открыл глаза,
то увидел бы меня, увидел
пустоту небес,
отраженную землей, вновь опустевшие поля,
безжизненные, заснеженные —

а затем белый свет,
больше не маскирующийся под материю.

Vespers

I don't wonder where you are anymore.
You're in the garden; you're where John is,
in the dirt, abstracted, holding his green trowel.

This is how he gardens: fifteen minutes of intense effort,
fifteen minutes of ecstatic contemplation. Sometimes
I work beside him, doing the shade chores,
weeding, thinning the lettuces; sometimes I watch
from the porch near the upper garden until twilight makes
lamps of the first lilies: all this time,
peace never leaves him. But it rushes through me,
not as sustenance the flower holds
but like bright light through the bare tree.

Вечерня

Мне больше не интересно, где ты.
Ты в саду – там, где Джон,
в земле, абстрагированный, с зеленой лопаткой в руке.
Вот так он садовничает: пятнадцать минут
интенсивных усилий, пятнадцать минут экстатического
созерцания. Иногда я тружусь рядом, тенью
следуя за ним: полю, прореживаю латук; иногда
наблюдаю с веранды верхнего сада, как сумерки
зажигают первые лилии: все это время
покой его не покидает. Но все проносится сквозь меня
не как соки, питающие цветок,
а как яркий свет сквозь голое дерево.

Vespers

Even as you appeared to Moses, because
I need you, you appear to me, not
often, however. I live essentially
in darkness. You are perhaps training me to be
responsive to the slightest brightening. Or, like the poets,
are you stimulated by despair, does grief
move you to reveal your nature? This afternoon,
in the physical world to which you commonly
contribute your silence, I climbed
the small hill above the wild blueberries, metaphysically
descending, as on all my walks: did I go deep enough
for you to pity me, as you have sometimes pitied
others who suffer, favoring those
with theological gifts? As you anticipated,
I did not look up. So you came down to me:
at my feet, not the wax
leaves of the wild blueberry but your fiery self, a whole
pasture of fire, and beyond, the red sun neither falling
nor rising —
I was not a child; I could take advantage of illusions.

Вечерня

Так же, как Моисею, ты являешься мне,
ведь ты мне нужен,
хоть являешься и нечасто. Я живу, по сути,
во тьме. Возможно, ты учишь меня
реагировать на малейшие проблески. Или, подобно
поэтам, тебя к этому побуждает отчаяние:
горе заставляет тебя раскрыть собственную природу?
Сегодня днем в физическом мире, куда ты обычно
привносишь свое молчание, я поднялась
на холмик над дикой черникой, метафизически
спускаясь, как на всех своих прогулках: достаточно ли
я углубилась, чтобы ты меня пожалел, как ты иногда
жалел других страдальцев, благоволя к тем, кто
наделен богословским талантом? Как ты и предвидел,
я не подняла глаз. Поэтому ты спустился ко мне:
у моих ног не восковые листья дикой черники,
а твое огненное «я», целое пастбище пламени,
а за ним – красное солнце, ни заходящее,
ни восходящее, —
я была уже не ребенок: я могла жить иллюзиями.

Vespers

You thought we didn't know. But we knew once,
children know these things. Don't turn away now —
we inhabited
a lie to appease you. I remember
sunlight of early spring, embankments
netted with dark vinca. I remember
lying in a field, touching my brother's body.
Don't turn away now; we denied
memory to console you. We mimicked you, reciting
the terms of our punishment. I remember
some of it, not all of it: deceit
begins as forgetting. I remember small things, flowers
growing under the hawthorn tree, bells
of the wild scilla. Not all, but enough
to know you exist: who else had reason to create
mistrust between a brother and sister but the one
who profited, to whom we turned in solitude? Who else
would so envy the bond we had then
as to tell us it was not earth
but heaven we were losing?

Вечерня

Ты думал, что мы не знаем. Но когда-то мы знали,
детям об этом известно. Теперь не отворачивайся —
мы вжились в ложь, чтобы тебя умиловать. Помню
солнечный свет ранней весны, набережные,
оплетенные темным барвинком. Помню,
как лежала в поле, касаясь брата.
Теперь не отворачивайся: мы отреклись
от памяти, чтобы тебя утешить. Мы подражали тебе,
перечисляя условия нашего наказания. Помню
кое-что, но не все: обман
начинается с забвения. Помню мелочи, цветы,
растущие под боярышником, колокольчики
дикой пролески. Не все, но достаточно, чтобы знать,
что ты есть: зачем кому-то еще
вызывать недоверие между братом и сестрой, как не тому,
кому это выгодно, к кому мы обращались в одиночестве?
Кто еще бы так позавидовал нашей тогдашней связи,
чтобы сказать нам: не землю теряете вы,
но небеса?

Early Darkness

How can you say
earth should give me joy? Each thing
born is my burden; I cannot succeed
with all of you.

And you would like to dictate to me,
you would like to tell me
who among you is most valuable,
who most resembles me.
And you hold up as an example
the pure life, the detachment
you struggle to achieve —

How can you understand me
when you cannot understand yourselves?
Your memory is not
powerful enough, it will not
reach back far enough —

Never forget you are my children.
You are not suffering because you touched each other
but because you were born,
because you required life
separate from me.

Ранние потемки

Как вы можете говорить,
что земля должна дарить мне радость? Все
рожденное – мое бремя: я не могу уследить
за всеми вами.

И вы еще хотите мне диктовать,
указывать,
кто из вас самый ценный,
кто больше всего похож на меня.
И ставите в пример
невинную жизнь, отрешенность,
которой стремитесь достичь, —

как вы можете меня понять,
если не в силах понять себя?
Ваша память
слаба, она не
заглядывает далеко в прошлое —

никогда не забывайте, что вы мои дети.
Вы страдаете не от прикосновений друг к другу,
а потому, что родились,
потому что вам захотелось жить
отдельно от меня.

Harvest

It grieves me to think of you in the past —

Look at you, blindly clinging to earth
as though it were the vineyards of heaven
while the fields go up in flames around you —

Ah, little ones, how unsubtle you are:
it is at once the gift and the torment.

If what you fear in death
is punishment beyond this, you need not
fear death:

how many times must I destroy my own creation
to teach you
this is your punishment:

with one gesture I established you
in time and in paradise.

Жатва

Мне грустно думать о том, что вы в прошлом, —

как вы слепо цепляетесь за землю,
будто это райские виноградники,
хотя поля вокруг охвачены пламенем —

ах, малышня, как же вы примитивны:
ведь это и дар, и мука.

Если после смерти вы боитесь
большого наказания, то смерти
бояться не нужно:

сколько раз я должен уничтожать
собственные творения, чтоб объяснить —
ваше наказание вот в чем:

одним махом я поместил вас
во времени и в раю.

The White Rose

This is the earth? Then
I don't belong here.

Who are you in the lighted window,
shadowed now by the flickering leaves
of the wayfarer tree?
Can you survive where I won't last
beyond the first summer?

All night the slender branches of the tree
shift and rustle at the bright window.
Explain my life to me, you who make no sign,

though I call out to you in the night:
I am not like you, I have only
my body for a voice; I can't
disappear into silence —

And in the cold morning
over the dark surface of the earth
echoes of my voice drift,
whiteness steadily absorbed into darkness

as though you were making a sign after all
to convince me you too couldn't survive here

or to show me you are not the light I called to
but the blackness behind it.

Белая роза

Это и есть земля? Тогда
мне здесь не место.

Кто ты, там, в освещенном окне,
затененном теперь мерцающей
листвой калины?
Выживешь ли ты здесь, где я не продержусь
дольше одного лета?

Всю ночь тонкие ветви
покачиваются и шелестят у светлого окна.
Объясни мне жизнь, подай хоть какой-нибудь знак,

хоть я и взываю к тебе по ночам:
я не такая, как ты: у меня лишь
тело вместо голоса, и я не могу
исчезнуть в тишине —

и холодным утром
над темной землей
разносится эхо моего голоса,
белизна постепенно поглощается тьмой,

будто ты все ж подаешь мне знак, чтоб
убедить меня в том, что тоже не смог бы здесь
выжить,

или показать, что ты не свет, к которому
я взывала,
а лишь тьма позади.

Ипомея

What was my crime in another life,
as in this life my crime
is sorrow, that I am not to be
permitted to ascend ever again,
never in any sense
permitted to repeat my life,
wound in the hawthorn, all
earthly beauty my punishment
as it is yours —
Source of my suffering, why
have you drawn from me
these flowers like the sky, except
to mark me as a part
of my master: I am
his cloak's color, my flesh giveth
form to his glory.

Ипомея

Что было моим преступлением в жизни иной,
если в этой мое преступление —
скорбь о том, что мне никогда
не позволят снова подняться,
ни в каком смысле
не позволят повторить свою жизнь,
свернувшуюся в боярышнике, всякая
земная красота – мое наказание,
как и твое —
Источник моих страданий, зачем
ты срезала с меня
цветы, подобные небу, если
не для того, чтоб подчеркнуть мою
принадлежность владыке: я
цвета его плаща, плоть моя
образует его сияние.

Presque Isle

In every life, there's a moment or two.
In every life, a room somewhere, by the sea
or in the mountains.

On the table, a dish of apricots. Pits in a white ashtray.

Like all images, these were the conditions of a pact:
on your cheek, tremor of sunlight,
my finger pressing your lips.
The walls blue-white; paint from the low bureau flaking
a little.

That room must still exist, on the fourth floor,
with a small balcony overlooking the ocean.
A square white room, the top sheet pulled back over
the edge of the bed.
It hasn't dissolved back into nothing, into reality.
Through the open window, sea air, smelling of iodine.

Early morning: a man calling a small boy back from
the water.
That small boy – he would be twenty now.

Around your face, rushes of damp hair, streaked with auburn.
Muslin, flicker of silver. Heavy jar filled with white peonies.

Преск-Айл

В каждой жизни есть одно-два мгновения.
В каждой жизни есть комната где-то у моря или в горах.

На столе блюдо с абрикосами. Косточки в белой
пепельнице.

Как и все образы, это условия договора:
у тебя на щеке дрожит солнечный свет,
мой палец прижимается к твоим губам.
Бело-голубые стены; краска на низком столе
слегка облупилась.

Эта комната, должно быть, еще существует,
на четвертом этаже,
с балкончиком, с видом на океан.
Квадратная белая комната, покрывало на кровати
задралось.
Это не растворилось обратно в пустоте реальности.
В открытое окно морской воздух, пахнувший йодом.

Раннее утро: мужчина зовет мальчика из воды.
Тому мальчику сейчас было бы двадцать.

Твое лицо обрамляют влажные рыжеватые пряди.
Муслин, мерцание серебра. Тяжелый кувшин
с белыми пионами.

Retreating Light

You were like very young children,
always waiting for a story.
And I'd been through it all too many times;
I was tired of telling stories.
So I gave you the pencil and paper.
I gave you pens made of reeds
I had gathered myself, afternoons in the dense
meadows.
I told you, write your own story.

After all those years of listening
I thought you'd know
what a story was.

All you could do was weep.
You wanted everything told to you
and nothing thought through yourselves.

Then I realized you couldn't think
with any real boldness or passion;
you hadn't had your own lives yet,
your own tragedies.
So I gave you lives, I gave you tragedies,
because apparently tools alone weren't enough.

You will never know how deeply
it pleases me to see you sitting there
like independent beings,
to see you dreaming by the open window,
holding the pencils I gave you
until the summer morning disappears into writing.

Creation has brought you
great excitement, as I knew it would,
as it does in the beginning

And I am free to do as I please now,
to attend to other things, in confidence
you have no need of me anymore.

Отступающий свет

Вы были похожи на малых детей,
всегда ждущих рассказов.
Я проходил через это слишком часто
и устал рассказывать.
Поэтому дал вам карандаш и бумагу.
Дал вам ручки из тростника,
собрав его сам после полудня на травянистых лугах.
Я сказал вам: напишите свои рассказы.

Вы столько лет слушали,
что я подумал, вы уже знаете
о рассказах все.

Вы смогли лишь заплакать.
Вы хотели только слушать
и ничего не придумывать самим.

Потом я понял, вы просто не умеете думать
по-настоящему смело и страстно:
у вас еще не было собственных жизней,
своих трагедий. Тогда я подарил
вам жизни, подарил трагедии, ведь
одних принадлежностей явно маловато.

Вы никогда не узнаете, как
мне приятно видеть, что вы сидите
там, будто бы независимо,
как вы мечтаете у открытого окна,
держа в руках карандаши, что я вам дал,
пока летнее утро не обратится в письмо.

Творчество вас увлекло,
как я и предполагал, как
и бывает в начале.
И теперь я могу делать все что
угодно, заниматься другими делами,
уверенный, что больше я вам не нужен.

Vespers

I know what you planned, what you meant to do, teaching me
to love the world, making it impossible
to turn away completely, to shut it out completely
 ever again —
it is everywhere; when I close my eyes,
birdsong, scent of lilac in early spring, scent of summer
 roses:
you mean to take it away, each flower, each connection
 with earth —
why would you wound me, why would you want me
desolate in the end, unless you wanted me so starved
 for hope
I would refuse to see that finally
nothing was left to me, and would believe instead
in the end you were left to me.

Вечерня

Я знаю, что ты задумал, что собирался сделать, когда научил меня
любить мир, чтобы нельзя было
больше никогда полностью отвернуться, полностью
от него отгородиться —
он повсюду, когда закрываю глаза:
пение птиц, аромат сирени ранней весной,
аромат летних роз.
Ты хочешь отнять его, каждый цветок, всякую связь
с землей —
зачем меня ранить, зачем меня опустошать
под конец, если не хочешь, чтоб я изголодалась
по надежде
и отказалась замечать, что в итоге
у меня ничего не осталось, поверив взамен,
что под конец у меня остался ты.

Vespers: Parousia

Love of my life, you
are lost and I am
young again.

A few years pass.
The air fills
with girlish music;
in the front yard
the apple tree is
studded with blossoms.

I try to win you back,
that is the point
of the writing.
But you are gone forever,
as in Russian novels, saying
a few words I don't remember —

How lush the world is,
how full of things that don't belong to me —

I watch the blossoms shatter,
no longer pink,
but old, old, a yellowish white —
the petals seem
to float on the bright grass,
fluttering slightly.

What a nothing you were,
to be changed so quickly
into an image, an odor —
you are everywhere, source
of wisdom and anguish.

Вечерня: парусия

Любовь моей жизни, ты
погиб, а я
вновь молода.

Годы прошли.
Воздух
наполнен девичьей музыкой;
во дворе перед
домом яблоня
усыпана цветами.

Я пытаюсь тебя вернуть
и для этого
пишу.
Но ты ушел навсегда,
как в русских романах, сказав
пару слов, которых не помню, —

как роскошен мир,
сколько в нем всего, но оно не мое —

я смотрю, как осыпаются
цветы, уже больше не розовые,
а старые-престарые, желтовато-белые
лепестки словно
плывут по яркой траве,
слегка трепыхаясь.

Каким ничтожным ты был,
если так быстро превратился
в образ, запах —
ты повсюду, источник
мудрости и тоски.

Vespers

Your voice is gone now; I hardly hear you.
Your starry voice all shadow now
and the earth dark again
with your great changes of heart.

And by day the grass going brown in places
under the broad shadows of the maple trees.
Now, everywhere I am talked to by silence

so it is clear I have no access to you;
I do not exist for you, you have drawn
a line through my name.

In what contempt do you hold us
to believe only loss can impress
your power on us,

the first rains of autumn shaking the white lilies —

When you go, you go absolutely,
deducting visible life from all things

but not all life,
lest we turn from you.

Вечерня

Твой голос уже затих, я почти не слышу тебя.
Осталась лишь тень твоего звездного голоса,
и земля вновь потемнела
от великих перемен твоего настроения.

А днем трава местами бурее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.